

ВЫЗВАННЫЙ НА РАССТРЕЛ

КНЯЗЬ МУССА БЕЙ ТУГАНОВ

Князь Туганов — русский дворянин, предки которого были выходцами с Кавказа. Во время русской революции его симпатии были на стороне белой армии. Таким образом он подверг себя угрозе ареста ЧК. Князь красноречиво описывает в своих воспоминаниях деятельность этой официальной организации Красной России. После напряженных месяцев работы князь Туганов отдыхал в доме друга, где находился в безопасности; но как-то выйдя по случаю за пределы поместья, он был немедленно арестован и доставлен в ближайший город Владикавказ¹.

Штаб-квартира ЧК располагалась в лучшем жилом квартале города, в конторах бывшего финансового управления². Следуя туда с эскортом вооруженных до зубов красногвардейцев, я прошел мимо нескольких моих знакомых, которые смотрели мне вслед с ужасом или жалостью. ЧК в то время было только создано на Кавказе.

Меня отвели в комнату в большом здании, где, как сообщили охранники, будут записаны кое-какие мои персональные данные. Затем меня обыскали и забрали все вещи. Документов у меня с собой не было, да и денег было очень мало, так как я был арестован во время прогулки. Правда, красные конфисковали кольцо, которое я носил в память о своей матери, оно было подарено ей царницей.

Мне не задали ни одного вопроса, и сразу отвели в подвал — ЧК всегда использовало подвалы в качестве тюрем и мест казни. Дверь захлопнулась за мной, и я простоял в полумраке несколько мгновений, прежде чем смог различить моих товарищей по несчастью. Около дюжины мужчин сидели или лежали на грязных деревянных скамьях, стоявших вдоль стен и составлявших единственную мебель в комнате. Наш подвал имел метров девять в

длину и четыре-пять в ширину. В верхней части стен были маленькие окна, из которых были видны ноги прохожих.

Большинство моих товарищей-заключенных не были мне знакомы. Служба в белой армии или подозрение в контрреволюционной деятельности являлись достаточными основаниями для ареста. Доносительство было в порядке вещей, а ЧК располагало обширной сетью шпионов, агентов и добровольных помощников, которые знали, что один донос на личного врага как на контрреволюционера заставит его замолчать на несколько месяцев, если не навсегда. Платные агенты работали за небольшие деньги, но проявляли большое усердие в подведении невинных людей к казни. Во Владикавказе у них были свои методы принуждения заключенных к признанию. Если заключенного заставляли признать свою вину, а он отказывался, — арестовывалась его семья. Упрямую жертву затем отводили в камеру и сообщали, что родные будут расстреляны, если он в течение определенного времени не даст необходимой информации. Изредка запуганный заключенный боялся каких-либо признаний, тогда расстреливались и он, и его семья. Этот же метод использовался, когда подозреваемого долго не могли найти. Его род-

ственников держали в тюрьме до тех пор, пока он добровольно не сдавался, то есть когда он шел на верную смерть.

В первые недели моего заключения в подвале сюда был доставлен молодой, лет тринадцати, осетин, чей брат воевал у Деникина и бежал в горы, где с несколькими верными спутниками оказывал сопротивление красным. Он как орел напал на их небольшие группы из своего скалистого гнезда, и стрелял в каждого, кто попадался ему на пути. Оказалось, его невозможно поймать, он исчез, как только за ним подошли крупные войсковые части. Тогда красные схватили его маленького брата в качестве заложника. Он пробыл с нами всего несколько дней, и все это время мы не переставали восхищаться мужеством ребенка. Несмотря на постоянные суровые допросы, он отказался раскрыть местонахождение своего брата, он молчал даже с нами. Молчал до последнего, когда они вывели его на последний допрос. Позже мы услышали выстрелы в соседнем подвале — его убили.

Попав в подвал, я сразу же был встречен бывшим капитаном Кабардинского полка, в котором узнал брата Заурбека. Он был свеж и весел, как в старые времена, и радостно сообщил мне, что его брат все еще в горах, осложняет красным, насколько это возможно, завоевание Кавказа. Зная Заурбека, я был уверен, что брат его добьется успеха в достижении своей цели.

В один из дней капитана без всякого расследования отправили на принудительные работы в Донскую область, что было равносильно смертному приговору. Это была медленная смерть вместо милосердного проворства пули. Приговоренный к этому труду мог считать себя счастливым, если за незначительные правонарушения получал пулю в лоб прежде чем ступить на страшный

путь нечеловеческих испытаний, жестокого обращения, голода и холода, приводящий к смерти от лишений или травмы.

В тюрьме я также обнаружил очень толстого, очень богатого армянина, с которым раньше был знаком. Он был известен своей удачливостью в картах, о которой даже ходила недобрая молва. Впрочем, ничего доказано не было. Он представил меня молодому человеку, одетому в форму русского офицера без погон. Это был член семьи Фальц-Фейн, владевшей огромными поместьями в Южной России, большая часть которых служила для охоты³. Фальц-Фейны разводили все мыслимые виды дичи, в том числе заморских птиц, приспособленных к местным условиям. Ведущая свое происхождение от немецких крестьян, эта семья была возведена в дворянство последним царем⁴. У Фальц-Фейна было много интересных рассказов о поместьях, и я беседовал с ним в течение некоторого времени, прежде чем узнал, к моему безграничному удивлению, что этот заключенный был не кто иной, как комендант ЧК, за незначительные нарушения находившийся под стражей несколько недель⁵. Мне сказали, что сотрудники ЧК, искупая вину за небольшие провинности, нередко попадали в собственные тюрьмы. Через неделю или две их освобождали и возвращали к прежним обязанностям. Хотя Фальц-Фейн сделал все, чтобы меня приговорили к смерти, как я узнал позже, но это не помешало ему вознаградить мою любезность к нему во время заключения. Когда его освободили в этот раз, он прислал в подарок сигареты, которые, естественно, были приняты нашими заключенными с большим удовольствием.

Каждое утро старого генерала, бывшего военного коменданта Владикавказ, вытаскивали из подвала и он це-

лый день подметал улицы под строгим присмотром. Вечером его доставляли обратно⁶.

После шести бесконечных недель состоялся мой первый допрос тройкой чекистов. Ничего важного он не дал. Они просто хотели узнать, действительно ли я Туганов, что, по мнению моих «судей», было достаточно для того, чтобы меня расстрелять без промедления. Потом меня доставили обратно в подвал поразмышлять над этим гнетущим отсроченным приговором. К этому времени комната уже была заполнена. Когда я впервые вошел в нее, нас было около дюжины мужчин. Теперь нас, теснящихся в узком подвале, было сорок или пятьдесят. Мы едва могли двигаться, почти никому из нас не хватало места на скамьях. Чтобы оставить побольше свободного места на полу, большинство теснилось на лавках; остальные довольствовались голым полом без матрасов и одеял. Единственной нашей защитой на бетонном полу были наши собственные черкески или другие предметы одежды, которые мы, свернув, использовали в качестве подушек.

Не было практически никакой возможности умыться. Один раз в день нас водили к насосу, где мы могли быстро сполоснуть руки, но не более того. Мы были почти съедены живьем паразитами: когда я проводил рукой по своей голове, под моими пальцами копошились вши. Мы ничего не могли сделать, чтобы избавиться от этих гадов.

На завтрак мы получали горячую воду и маленький кусочек мокрого и кислого черного хлеба. В полдень нам давали водянистый суп с обрезками рыбы или мяса с душиком. Вечерняя еда повторяла завтрак. Нужно было железное здоровье, чтобы выжить с таким питанием, не говоря уже об остальном. Заключение официально было разре-

шено получать пищу от родных, но если в передаче оказывалось что-то стоящее, надзиратели оставляли это себе. Однажды мы получили несколько дынь и огурцов, которые вызвали вспышку тифа и холеры в нашем подвале. Медицинская помощь была недоступна врагам народа, поэтому несчастные больные просто лежали на полу, пока не умирали. Мы не могли сделать абсолютно ничего, чтобы облегчить их страдания.

После последнего приема пищи наши двери запирались. С семи часов вечера до утра мы были наедине сами с собой. В одном углу стояло ужасное ведро, куда справляли свою нужду все, включая смертельно больных, которые с трудом ползали. Вонь этой примитивной конструкции в сочетании с потом пятидесяти невымытых мужчин, набитых в почти непрветриваемое помещение, делали атмосферу такой жаркой и тошнотворной, что каждый вдох был пыткой. Большинство смертей происходило вечером, после того, как двери запирались, и тела уже нельзя было вынести. Во время эпидемии у нас бывало по несколько трупов почти каждую ночь, но не было места, куда их положить. Мы были вынуждены находиться всю ночь рядом с ними, чувствуя, как их конечности постепенно застывают и холодеют.

Утром мертвых вытаскивали на улицу и приводили новых заключенных. Смертников вызывали на выход фразой «с вещами», означавшей верную смерть. И так день за днем, нам не разрешалось наслаждаться даже короткими урывками тревожного сна. Среди ночи дверь внезапно распахивалась, и в темноте называлось имя: «На ночной суд!» Эти допросы были худшими из всех. Уведенный ночью очень редко возвращался, а если и возвращался,

только для того, чтобы на следующий день его забрали «с вещами». Он «признался». При каких обстоятельствах — можно только вообразить.

В одной новой партии заключенных был сын хозяина здания, в котором размещалось ЧК, приятный молодой человек лет двадцати двух. Он был вызван на ночной суд, не пробыв здесь и двадцати четырех часов. Зная, что его ожидает, он кричал и дрался, но палачей было слишком много. Они скрутили его и потащили прочь, с веревкой на шее, как животное. Так как он продолжал сопротивляться, комиссар вышел из себя и, выхватив револьвер, выстрелил мальчику в голову⁷.

В один день из ростовского ЧК были доставлены десять молодых офицеров белой армии. Дух юности и надежды, принесенный ими, порадовал нас. Они с любопытством смотрели на наши скамьи, разглядывая каждую деталь, и начали обосновываться. Сказав, что будут держаться вместе и жить в одном углу, они забили пару гвоздей, на которые повесили свои пожитки, и поздравили себя, поскольку тут было гораздо больше места, чем в Ростове — накануне расстреляли четырнадцать человек. Их привели в четыре часа дня, а к вечеру они покорили сердца всех своей юностью и беззаботностью. Затем снаружи послышались шаги, дверь распахнулась, и все десять были уведены «с вещами».

В соседнем подвале содержались женщины. У них был такой же режим, как у нас, кроме того, они должны были убираться в казармах красных, как мы во дворах. Женщин расстреливали столько же, сколько мужчин.

Среди заключенных был осетинский генерал Хоранов⁸, личность, хорошо известная на Кавказе. Его жизнь — история постоянного успеха и про-

движения. У генерала Скобелева, героя русско-турецкой войны, он служил рядовым солдатом и как-то ночью, на вечеринке, привлек взгляд генерала, танцуя лезгинку с необычайным мастерством. Скобелев запомнил грацию и ловкость молодого осетина и выдвинул его на офицерское звание в следующей кампании, когда тот проявил себя как отважный боец. Судьба Хоранова была решена. Он неуклонно продвигался, пока он не стал генералом, хотя не мог ни читать, ни писать и едва мог ставить подпись на документах. У него не хватало терпения в учебе; о нем рассказывали бесконечные анекдоты. К примеру, говорили, якобы Хоранов с другими кавказцами был приглашен на торжества в Петербург по случаю годовщины пленения Шамиля, там на банкете он повеселился так сердечно, что вышел из комнаты с полными карманами. Он заложил вещи в ломбард, чтобы продолжить банкет в течение нескольких дней.

Его мужество и отвага в бою стали легендой, но он, казалось, нуждался в атмосфере и общении на поле боя для того, чтобы быть храбрым. В тюрьме он сломался полностью, и если бы я не знал его историю, я с трудом бы поверил, что он когда-то был храбрым солдатом. Он спрятал иконку в кармане, когда был взят в плен, потом он повесил ее в углу подвала и целый день стоял на коленях перед ней.

Ходили слухи, что он служил двум господам и выступал в качестве посредника между русскими и кавказцами. Было ли это правдой или нет, но знатные кавказские семьи не хотели иметь с ним ничего общего, и даже до революции русские относились к нему с подозрением. Наши тюремщики получали особое удовольствие, изводя его травлей и запугиванием, обещая ему каждый день неизбежную смерть. Хотя мы

все знали, что наши дни сочтены, такие заявления создавали тягостное настроение. Как только дверь за надзирателями закрывалась, генерал падал на колени и начинал молиться с удвоенным рвением⁹.

Я провел два месяца в тюрьме ЧК, пока однажды не назвали мое имя, вызывая на ночной суд. Меня бросало то в жар, то в холод. Это был конец. Я испытывал только одно желание: пусть пуля окончит мою жизнь, пусть это будет пуля...

Вооруженные охранники провели меня через внутренний двор. Была теплая ночь с полной луной, и жизнь казалась прекрасной. На деревянном ящике во дворе сидела молодая женщина, рядом с ней стоял охранник. Она, очевидно, ожидала допроса. Лунный свет падал на ее лицо, и я увидел старую подругу, дочь помещика с Дона. В былые времена я часто останавливался у ее отца и был увлечен красивой молодой девушкой. Прошли годы, я ничего о ней не слышал, хотя знал, что она вышла замуж. Я ступал тихо, проходя мимо, поговорить нам было невозможно. Не думаю, что мог бы с ней перемолвиться.

Меня привели в ярко освещенную комнату, причинявшую боль глазам после долгого заточения в полумраке. Обычные вопросы об имени, армейской службе во время войны и революции, моих отношениях с людьми задавались резким голосом. Затем последовало роковое обвинение: я снабдил армию Деникина лошадьми и провизией. Тяжкое преступление! Ложь не помогла бы мне, вызванные на ночной трибунал бывали осуждены заранее. К моему удивлению, однако, после короткого совещания судей меня доставили обратно в подвал. Мои охранники сказали мне, что три должностных лица из Ингушетии ре-

шили поискать документы, чтобы вытащить на свет что-то более серьезное, что осложнило бы мое положение. Это был единственный случай, о котором я когда-либо слышал, когда они потрудились искать подлинное обвинение. Естественно, ничего не было найдено, все мои личные бумаги были уничтожены благодаря моим ингушским друзьям.

Тем временем я оставался в ЧК. Страшные дни и еще более страшные ночи монотонно сменяли друг друга. Нашей единственной отдушиной был старый генерал, который подметал улицы. Его юмор и спокойное поведение в бедствии были примером для всех нас. Другой наш сокамерник, митрополит Владикавказский, делал все возможное, чтобы утешить нас, и обещал нам вскоре лучшие времена. Через месяц или около того он получил канцелярскую работу у красных, которым очень не хватало образованных людей. Поэтому они иногда привлекали заключенных писать им приказы и уведомления. Поработав на них какое-то время, митрополит отрекся от своей веры и перешел в так называемую «Новую церковь», с которой мирились большевики, потому что она считала советский режим ниспосланным небесами и помогала ему в свержении православной веры. Бывший прелат получил превосходную должность в своей новой церкви¹⁰.

Пока он все еще был среди нас, он был единственным, кто заговорил с необычным заключенным, на котором была только грязная рваная набедренная повязка. Он притворялся сумасшедшим, непонятно бормотал, мазал грязь на свой хлеб и был настолько неуправляем, что на допросе был записан как «идиот неизвестного происхождения». Митрополиту удалось его разговаривать. Он сообщил нам, что этот че-

ловец был членом грузинской царской семьи, князем Имеретинским, который жил в Швейцарии, а теперь решил претендовать на пустой трон Грузии. Его безумие было полностью притворным, если бы красные имели малейшее представление о его личности, он бы сразу умер.

Другой заключенный, казачий полковник Антонов¹¹, служивший в разведке Деникина и погубивший большое число красных, был приговорен к казни. Он часто смотрел смерти в лицо, но теперь, перед казнью, его нервы сдали, и он молил о пощаде комиссара, который должен был руководить расстрельной командой. Он даже громко приветствовал советскую власть, но единственным ответом, который дали ему красные, был громкий смех, утонувший в ружейном залпе.

На расстрел был вызван лейтенант Кабардинского полка. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Он спокойно допил остатки горячей воды, достал из своей черкески кошелек и передал его другу: «Отправь это моей жене, если сможешь». Затем он тихонько вышел, как будто ничего необычного не происходило. Вскоре после этого мы слышали звук выстрелов из соседнего подвала.

С двух генералов, которых красные особенно не любили, перед казнью «сняли перчатки», содрав по локоть кожу на их руках.

Когда казней было много, большевики испытывали некоторую трудность в утилизации тел. Они просто давали каждому осужденному по лопате, вели их колоннами по улицам в поле и приказывали рыть себе могилы. Когда это было сделано, мужчины аккуратно клали лопаты на земляную насыпь и становились перед могилами. Если их не убивали сразу, то все равно закапывали

в землю. Грузинский полковник и его адъютант были похоронены заживо, и когда несколько любопытных китайцев выкопали их, то обнаружили несчастных в объятиях друг друга.

Во время третьего допроса ко мне были наиболее доброжелательны. Мне вежливо сказали, что я могу облегчить свое положение, если сообщу нынешнее местонахождение белых в горах и имена их лидеров. Я промолчал и меня так же вежливо отвели обратно в подвал. На следующий вечер меня вызвали «с вещами». Поскольку вещей у меня не было, я просто пошел с другими осужденными в расстрельный подвал. Я был совершенно спокоен, меня не особенно волновало, что случится со мной после стольких месяцев пребывания в тюрьме. Быть мертвым и наконец обрести покой было бы счастьем. Меня оставили напоследок, и после того, как другие были расстреляны, ответственный комиссар повернулся ко мне и крикнул, чтобы я возвращался в подвал. Мне сохранили жизнь.

Без сомнения, эта маленькая шутка доставляла комиссару большое удовольствие, потому что он повторил ее несколько раз. В третий и четвертый раз он даже ставил меня к стенке, но затем с громким смехом позволял мне уйти. Он, возможно, был бы менее весел, если бы знал, какое совершенное равнодушие к таким шуткам вырастает в человеке после нескольких месяцев в тюрьме.

Руководители ВЧК, за исключением Фальц-Фейна, все были латыши очень низкого происхождения. Их предки были крепостными на протяжении многих веков, и теперь они были рады возможности отплатить за все своим прежним хозяевам. Все их низменные инстинкты вышли наружу, и они сполна наслаждались жестоким обращени-

ем и убийством ненавистных «господ». Фактическими палачами во Владикавказе были китайцы из красных китайских трудовых батальонов, которые наводнили Россию во время войны¹². Они убили сотни людей с тупым, механическим безразличием.

Три четверти заключенных во Владикавказе были черкесы и осетины, в основном пожилые люди, поскольку молодые бежали в горы, где вели активную борьбу против красных. Мой семидесятилетний дядя находился в заключении в соседнем подвале, но в итоге он был освобожден. Его старый друг, турецкий министр, следуя через Владикавказ в Москву для каких-то переговоров с Советами, узнал о его судьбе. Он воспользовался своим положением и с большим трудом добился освобождения дяди. Последний сделал все возможное, чтобы меня отпустили (тоже через турок), но тщетно. Единственным результатом его стараний стало то, что меня перевели в верхнюю комнату, где было даже больше заключенных, чем в подвале. Мои новые компаньоны сказали, что нас могут отправить в концентрационный лагерь в Северной России.

Это оказалось правдой. В один день около пятисот мужчин и женщин, в числе которых и я, были собраны и под строгой охраной доставлены на станцию.

На запасном пути у станции стояло несколько вагонов для крупного рогатого скота, ставших нашим домом на следующие нескольких месяцев. Один вагон был до отказа набит женщинами, остальных пришлось разместить по мужским вагонам. На протяжении бесконечного путешествия мы жили бок о бок в самых стесненных и нецивилизованных условиях, какие только можно представить, но я никогда не слышал,

чтобы мужчина произнес неприличное слово в адрес женщины. Все вели себя достойно в данных обстоятельствах, хотя почти все мужчины прошли через войну и загубели от пережитого за последние несколько месяцев. Я, в частности, заметил, что мои черкесы всегда были внимательными и тактичными с этими несчастными женщинами.

Новость о нашем предстоящем отъезде распространилась по Владикавказу. Родственники и друзья многих из заключенных пришли на вокзал, чтобы принести небольшие подарки и предметы быта. Некоторые из охранников оказались любителями взяток и позволили передать в вагоны еду и одеяла. Другие просто издевательски смеялись над усилиями наших друзей облегчить наши неудобства и отправляли всех прочь. Мой вагон был одним из тех, куда никому не разрешили проникнуть.

Прежде чем мы отъехали, произошла неожиданная встреча. В 1913 году я женился, но через короткое время мы разошлись, и с тех пор я не слышал о ней. Теперь я вдруг поймал ее взгляд из толпы на вокзале, собравшейся проводить нас. Она, должно быть, услышала о моем аресте и пришла повидаться в последний раз. Тщетно пытаюсь приблизиться к моему вагону, она не смогла подойти так близко, чтобы поговорить со мной, и мы только помахали друг другу. У меня не было возможности поблагодарить ее за этот добрый визит.

После нескольких часов ожидания наш поезд начал медленно двигаться, и вот мы уже катились на север. Для нас, кто так долго был заперт в подвале, путешествие с самого начала показалось почти приятным. По крайней мере, у нас был свежий воздух, погода была еще теплая, и люди на придорожных станциях делали все возможное, чтобы показать свое сочувствие. В Терской, Ку-

банской и Донской областях на каждой остановке они приносили нам хлеб и фрукты, иногда даже сигареты. Охранники позволяли нам принимать подарки, поскольку большевистская власть здесь еще не была настолько прочной, чтобы применять жесткие меры против народа.

Заснеженные вершины Кавказа медленно исчезали за горизонтом; каждый поворот колес увозил нас дальше от нашей родины, которой так многим из нас не суждено было увидеть снова. Наше положение с каждым днем становилось все хуже и хуже. Чем дальше мы продвигались на север, тем равнодушнее становилось население этих мест. Они уже не сочувствовали нам, а относились враждебно. Вскоре мы увидели неприкрытую фанатичную ненависть в их глазах, их лица были истощенными и изможденными от голода. Дети выглядели отощавшими. Эти представители пролетариата, будто бы освобожденные красными, были полностью деморализованы новым режимом. Правда, и до революции русские деревни были бедными и грязными, но не было в них этой унылой тупости, этого животного равнодушия к бедности. Единственным средством к существованию, которое красные оставили этим голодающим людям, была зависть и ядовитая ненависть к другим классам. Как только они увидели нашу офицерскую форму, они разразились оскорблениями и проклятиями.

Становилось все холоднее. У нас не было никакой защиты от суровой зимы русского севера. Особенно страдали женщины, арестованные в легкой летней одежде, без пальто. На самом деле в каждом вагоне находилась небольшая железная печка, дым от которой не имел другого выхода, кроме как через крышу. Но поскольку у нас не имелось топлива, толку от нее было мало. Наши охранни-

ки были тепло одеты и накормлены, им легче было переносить холод. Но и они тоже начали мерзнуть, тогда нам позволили выходить во время частых остановок и собирать дрова на открытой местности. В течение нескольких часов мы могли наслаждаться теплом.

Наши пайки состояли из кипятка и водянистого супа, с редким кусочком плохого хлеба. Единственной роскошью была соленая селедка, которая, судя по запаху, имела легендарный возраст. Чтобы сделать ее более-менее съедобной, мы клали ее на плиту, когда та горела, и создавали себе иллюзию, что едим жареную рыбу. На больших станциях группа заключенных под усиленным конвоем отправлялась в город, чтобы купить еду для следующего этапа. В этих походах мы встречались с такими неопируемыми вспышками ярости и ненависти от народа, что наши охранники с трудом нас защищали. Нет, чтобы они заботились о нас — им пришлось бы отвечать головой за каждого пропавшего человека.

Каждое утро и вечер нас заставляли стоять часами на ледящем морозе, на пронизывающем степном ветре, пока начальник поезда с удовольствием проводил ежедневную переключку заключенных. В паре дней путешествия от Москвы десятерым мужчинам одного из вагонов удалось (Бог знает, каким образом) вырезать отверстие в боковой части вагона и ночью, когда поезд двигался очень медленно, выскочить на насыпь. Охранники спали, и их побег не был обнаружен до следующего утра. Начальник поезда собрал всех, и пока нас держали под прицелом винтовок, мы должны были наблюдать, как оставшихся пассажиров этого вагона избивали до смерти. Когда все закончилось, они не могли ни стоять, ни двигаться. Мы затащили их обратно в вагоны,

многие из них находились между жизнью и смертью.

Мы могли выйти из поезда только во время переключки. Возможности мыться не было. Если паразиты в подвале ЧК были мучением, здесь они стали невыносимой пыткой. Женщины в нашем вагоне дошли до того, что в один день стали рвать на себе одежду, не имея сил терпеть.

Первого ноября, в ослепительную метель мы прибыли в Москву, где наш поезд остановился в безлюдном тупике товарной станции. Мы несколько дней оставались в холоде и темноте, в закрытые вагоны просачивалось совсем мало света. Пока мы там сидели, постепенно нас охватывало чувство глубокой безысходности — прошел слух, что местом нашего назначения будет Архангельск, где необходимы были люди на лесоповал, распиловку и другие работы на лесопилках. Там умерло много заключенных, поэтому срочно были нужны свежие силы. Когда наконец, возобновили движение, мы облегченно вздохнули — двое мужчин из Прибалтики, знавших дорогу, сказали, что мы движемся на запад.

Прошло еще много бесконечных недель голода, грязи, холода и трудностей, пока мы не приехали в Псков, маленький городок на границе Эстонии и Латвии. Нам приказали выйти из поезда. Сцена на станции оказалась комичной. Перед маленьким зданием вокзала была выстроена целая рота солдат с пулеметами, без сомнения, чтобы впечатлить нас мощью военных ресурсов Пскова. С трудом верится, что мы, больные, голодные и полумертвые от страданий последних месяцев, составляли какую-то очень серьезную опасность для городского Совета.

Нас собрали и под охраной повели в ЧК. Очень много разговоров вызвали

мои черкесы, которые несли пожитки женщин и больных, с трудом передвигавшихся. Такие жесты вежливости, очевидно, были неизвестны новому режиму. В ЧК доставили только женщин и тех заключенных, которые должны были быть расстреляны. Остальных, кому, по-видимому, суждено было остаться в живых, с особыми мерами предосторожности доставили в пригород, где мы остановились в старом монастыре. Здание было окружено высокими стенами, а с крыши и из дверных проемов нам угрожали пулеметы. Через равные интервалы вдоль стен стояли охранники.

Худшие наши страдания, казалось, закончились. Кельи монахинь были не совсем удобными, но у нас имелись скамьи, чтобы прилечь, и приземистые маленькие печки в каждой келье, такие, как в домах русских крестьян, на которых зимой спит вся семья. Русские и прибалтийские заключенные не так страдали от холода в этих северных районах, как кавказцы. Нужда сделала моих черкесов изобретательными. Сначала они сожгли все отходы древесины и мусор, найденный в монастырском саду, а затем, когда все это закончилось, спустились в подвалы и поднялись на чердаки в поисках ящиков или чего-нибудь другого, что может гореть. Таким образом нам удалось пережить зиму.

Часовня и трапезная монастыря были прекрасными большими комнатами, сестры-монахини сделали все возможное, чтобы их украсить. В какие-то моменты мы были почти счастливы там, особенно получая еду, казавшуюся роскошной для заключенных ЧК. В первый же вечер нашего заточения в монастыре мы удивились, получив съедобную кашу и настоящий горячий чай. Расточительность тюремщиков доходила даже до того, что время от времени

нам давали сахар, мясо и рыбу; да и хлеб был довольно хорош. Мы потихоньку стали приходить в себя после лишений. Я в жизни никогда не спал так много, как в этом псковском монастыре. Здесь просто некуда было девать время¹³.

Советы здесь также испытывали дефицит служащих; кроме того, имелась нужда в плотниках, строителях и кузнецах. Стали вербовать заключенных, и постепенно многие из нас определялись на работу в город. Этим работникам даже платили небольшую заработную плату, достаточную для покупки табака, который они приносили нам как очень желанный подарок. Но какого табака! Единственным доступным сортом была вонючая «махорка» — грубые стебли русского крестьянского табака, настолько жесткие и толстые, что никакая папиросная бумага не удержала бы их. В любом случае папиросной бумаги у нас тоже не было, и мы были вынуждены сдирать обои со стен, чтоб завернуть табак. Только самые заядлые курильщики поймут, что даже эти сигареты были для нас большим утешением.

Комендантом монастыря, а также всего города, был, как положено, латыш, но человек исключительный. Хотя он был ярким большевиком, я никогда не слышал ни об одном несправедливом или жестоком деянии с его стороны. Это был идеалист, все еще видевший розовое будущее коммунизма. Он очень гордился своим мундиром, и следил, чтобы тот всегда был в безупречном порядке, так же как его длинная рыжая борода, довольно странная для маленького человека. Он родился на Кавказе, и сохранил глубокую любовь к горам и большое уважение к черкесам, их истории и легендам. Комендант был рад возможности иметь рядом с собой настоящих черкесов. Он приходил ко мне, когда у него был свободный час, и

заставлял меня рассказывать ему истории о нашей стране и народе. С мундиром он носил кавказскую португую, а однажды принес мне свою шашку и спросил меня с некоторым смущением, нет ли среди черкесских заключенных какого-нибудь известного кавказского ювелира. Он очень хотел, чтобы рукоять его шашки была оформлена в кавказском стиле. Я был рад оказать ему эту услугу и нашел человека, который мог сделать ему прекрасную серебряную оправу. С этого дня он испытывал ко мне полное доверие и рассказывал обо всех своих неприятностях.

В городе в то время происходили очень серьезные волнения. Преступления всякого рода совершались каждый день, а несколько военных чиновников были совершенно не в состоянии справиться с ситуацией. Они были вынуждены просто закрывать глаза на деятельность преступных элементов. В конце концов комендант пришел ко мне и умоляющим взглядом маленьких серых глаз спросил, могу ли я убедить черкесов взять на себя обеспечение порядка в городе. Им будут хорошо платить, они смогут действовать по собственному усмотрению и по своему желанию свободно передвигаться. Последнее соображение заставило меня согласиться на его предложение, поскольку оно могло оказаться единственным способом для моих черкесов обрести свободу и в итоге, возможно, вернуться домой. Я согласился и отобрал около пятидесяти мужчин, которых я считал надежными и подходящими для работы. Они сразу же взялись за дело, но через два дня пришли ко мне очень взволнованными.

Убийства и кровная месть были хорошо известны на Кавказе, но преступления, свидетелями которых они стали здесь, были для них чем-то совершенно новым. Они увидели убийц, пытающих

свои жертвы самыми ужасными способами, и даже трупы, изуродованные уже после смерти. И что было совершенно неприемлемо для Кавказа — они видели мужчин, убивающих женщин. Этого они понять не могли и заявили, что продолжают ради красных патрулировать город только при одном условии, а именно: им должны разрешить наказывать за такие преступления немедленно и без суда. Это было им дозволено, и с тех пор худшие преступники расстреливались сразу же, на месте.

Однажды из Москвы прибыла комиссия для изучения обстановки и трудоустройства заключенных. Они, должно быть, посмотрели предыдущие сведения обо мне, так как после отъезда комиссии я был назначен, к моему большому удивлению, на должность «специалиста», точнее, специалистом по уходу за лошадьми. Я стал инспектором правительств Пскова. В революционное время разведением лошадей пренебрегали, и теперь красные начали беспокоиться о пополнении конюшен. Назначение показалось мне подарком с небес. Поскольку я уже восстановил здоровье, мои мысли все больше и больше занимало бегство, но я пока не видел возможности для побега. Теперь красные сами дали мне шанс. Я принял работу с готовностью, но сначала за каждым моим шагом следили, так что у меня не было выбора, кроме как показывать усердие к восстановлению коннозаводства Пскова и управляться таким образом, чтобы избежать всяких подозрений.

Кабинеты различных ведомств (сельского хозяйства, рыболовства, транспорта и т.д.) располагались в одном здании; коневодство теперь заняло свое место среди них. Мне дали, как это обычно у большевиков, огромный штат чиновников. Я получил звание комиссара и небольшую зарплату, которую я

очень экономил, чтобы сохранить деньги для побега. Необходимость жить в монастыре отпала, мне дали чистую, хорошо меблированную комнату в доме сапожника. Башмачник был бывшим унтер-офицером гвардии. Его супруга в прошлом была служанкой у жены помещика, но страшные лишения вызвали туберкулез легких, и теперь она была очень больна. Эти добрые люди превосходно обо мне заботились, и я был благодарен им за доброту после пережитого мною за последние годы. Как красный комиссар, я получал достаточный паек, в то время как народ голодал; моя хозяйка была в восторге от риса, сливочного масла, сахара, мяса, которые я мог приносить ей — эту роскошь, которую она не видела месяцами.

В дополнение к деятельности заводчика лошадей у меня были и другие обязанности. Я должен был читать французские газеты и переводить отрывки для русской прессы. Таким образом, я получал некоторые новости из внешнего мира и мог передавать их моим друзьям-заключенным, которые, естественно, их жаждали. Мои подчиненные, знавшие мой титул и мое прошлое, не смели протестовать против моего авторитета. Приказ из Москвы был всемогущ.

Я присмотрел специалистов, которые могли бы руководить различными направлениями в моем отделе. Все владельцы лошадей обязывались в определенный день показывать своих животных этим чиновникам, которые отбирали лучших для племенных целей, переписывали жеребцов, жеребят и т.д. Я изучал пригодность различных пород в качестве рабочих или верховых лошадей, отобрал несколько небольших конезаводов и, естественно, стал совершать инспекционные поездки в отдаленные части страны. Сначала в

сопровождении официальных лиц, следивших за мной, но после того, как я снабдил вышестоящих комиссаров хорошими лошадьми, они стали доверять мне и разрешили совершать поездки в одиночку. Я, в частности, получил благосклонность одного из псковских комиссаров, латыша, женатого на баронессе из Курляндии. Эта умная и дружелюбная женщина намного превосходила своего простого и добродушного мужа и пользовалась насколько могла этим фактом, чтобы облегчить положение заключенных и подчиненных. Она заслужила много благословений от несчастных за свои любезные деяния.

Со мной работал полковник Роцин, ранее служивший в Финском драгунском полку¹⁴ и попавший в коммунистическое руководство так же, как и я. Он рассказывал мне о своей прекрасной недвижимости в Финляндии и о жене, у которой не было сведений о нем в течение многих лет. Он давно ждал своего шанса покинуть страну, и мы решили объединить наши планы. В Пскове я нашел также молодую кузину, девушку, мать которой умерла в тюрьме, а имущество на Кавказе было уничтожено. Она жила с очень старой теткой, и ее будущие перспективы казались безнадежными. Я чувствовал, что не мог оставить ее, да и она вполне была готова к опасностям побега.

Я начал выпрашивать для них места в моем ведомстве. Родственница Мария стала моим секретарем, а полковник Роцин помощником специалиста. Затем я получил пропуск, в котором говорилось:

«Товарищ Туганов является ревизором коней в правительстве Пскова. Он едет по служебным делам в сопровождении помощников и секретаря. Просьба ко всем почтовым, гражданским и военным чинам оказывать ему всяческое

содействие в выполнении его обязанностей, а не препятствовать ему каким-либо образом».

Я выбрал хорошую пару лошадей и взял их с собой. Иностранец, который работал на большевиков, но одобрял наш план, одолжил мне своего доверенного слугу в качестве кучера и проводника. Потом пришел день, когда я отправился в очередную инспекцию. Багаж моей кузины поместили в экипаж, и мы отправились вдоль реки Великой на юг к латвийской границе.

Нас постоянно останавливали часовые красных, но при виде моего пропуска они позволяли нам ехать дальше. Мы двигались весь день, пока поздно ночью не доехали до маленькой деревни на границе, где кучер уже договорился с надежным человеком о следующем этапе. Это был богатый крестьянин, ожидавший нас у своего дома, где мы должны были переночевать.

При встрече я заметил, что он был очень пьян, но, несмотря на это, он оказался вежливым и внимательным хозяином. Он пригласил нас в дом и накрыл роскошный стол с обилием водки, которой он с удовольствием занялся сам. Мы отправились спать в соседнюю комнату.

Я проснулся от громкого смеха и разговоров. Хозяин принимал гостя, молодого большевистского комиссара. Он жил по соседству и имел великолепных лошадей. Хозяин дома сказал мне потом, что комиссар заходит часто якобы для разговора, но в действительности, чтобы насладиться отличной водкой. Хотя наш хозяин был пьян, он ни словом не выдал нашего присутствия, да и себя он не дал заподозрить в монархических симпатиях.

К вечеру мы подъехали на расстояние полумили от границы. Отсюда нужно было идти пешком. Наш хозя-

ин договорился там с людьми, которые будут ждать нас, чтобы переправить через границу за крупную сумму денег. Я был счастлив, что сберег комиссарскую зарплату. Обычной контрабандой этих людей был ввоз сахара в Россию и льна обратно в Латвию; они брали крупные взятки за незаконный провоз людей.

Мы шли через кусты в тишине, слышался только всплеск наших шагов в болотистой почве. Фактической границей была река, которую нужно было пересечь по дощатому мосту. Контрабандисты сказали, что последний переход мимо российских постов открыт и что мы должны покрыть его со всей возможной скоростью. Один из мужчин побежал вперед, показы-

вая нам путь, следом — моя двоюродная сестра, я, Роцин и, наконец, два других контрабандиста с вещами моей кухни замыкали шествие. Мы почти перебрались без каких-либо заминок, но к несчастью на середине доски Роцин потерял равновесие и упал в воду. Было неглубоко, мы скоро вытащили его, но пограничники обнаружили нас и открыли огонь. Пули свистели мимо, когда мы укрылись в маленьком лесочке, который был уже фактически в Латвии. Мы добрались туда целыми и невредимыми. Мы были в безопасности; Красная Россия лежала позади нас!

*Перевод с английского,
примечания и комментарии
А. А. Цуцьева*

1. Предисловие британского издателя к рассказу М. Туганова [2, 378].
2. В начале 1920-х гг. во Владикавказе было несколько мест содержания заключенных. Судя по дальнейшему изложению, здесь речь идет о доходном доме Г. О. Воробьева по ул. Бутырина, 7/Ленина, 8, где в настоящее время располагается Министерство образования и науки РСО-А.
3. Крупнейшие землевладельцы юга России Фальц-Фейны разбили на площади более 30000 га ботанический сад, заказник, зоопарк. В настоящее время это биосферный заповедник «Аскания-Нова» им. Ф. Э. Фальц-Фейна в Херсонской области Украины.
4. Николай II присвоил Фридриху Эдуардовичу Фальц-Фейну звание потомственного дворянина в 1914 г.
5. Члены большой семьи Фальц-Фейн после установления советской власти либо эмигрировали, либо были репрессированы/расстреляны. Сведений о сотрудничестве Фальц-Фейнов с ЧК нам пока найти не удалось.
6. К сожалению, пока не удается установить имя описываемого генерала. В мирное время должности военного коменданта во Владикавказе не было. Была должность начальника Владикавказского гарнизона, которую обычно занимал один из генералов 21-й пехотной дивизии, чей штаб находился во Владикавказе. Возможно, должность военного коменданта была введена после начала Первой мировой, но в военное время генералов во Владикавказе не было — все они были на фронте. В газете «Терский казак» от 31.12.1919 г. упоминается «комендант г. Владикавказа генерал Кузьмин» (без инициалов). Информация любезно предоставлена Ф. С. Киреевым.
7. Хозяин здания — Г. О. Воробьев, нефтепромышленник, владелец парового лесопильного завода и доходного дома — также был расстрелян.
8. Хоранов Созрыко Дзанхотович (Иосиф Захарович) (1842, с. Унал — 1935, с. Ардон), генерал-лейтенант. Одна из самых ярких и противоречивых фигур осетинского генералитета. Получил домашнее образование. Военного образования не имел. Начал службу в 1863 г. всадником в конвое командующего войсками Терской Области. С

1869 г. оруженосец 2-го взвода Лейб-гвардии Кавказского эскадрона Конвоя, юнкер, прапорщик милиции. С 1875 г. С. Дз. Хоранов прикомандировывается к полкам Кубанского, затем Терского войск. В 1877 г. за отличия в русско-турецкой войне произведен в хорунжие с зачислением во Владикавказский полк Терского Казачьего Войска, затем в сотники, а уже в конце следующего года — в есаулы. После заключения мира с турками остался в рядах 4-го оккупационного армейского корпуса генерала Скобелева в Адрианополе. В Россию вернулся в 1879 г., вновь был прикомандирован ко 2-му взводу Лейб-гвардии Кавказского эскадрона Собственного его императорского величества конвоя. Поручик (20.01.1880); штабс-ротмистр (30.08.1880); в 1881 г. произведен в ротмистры с отчислением от Конвоя и зачислением по армейской кавалерии с переименованием в подполковники; полковник (1895). Добровольцем участвовал в русско-японской войне 1904-1905 гг., неоднократно был ранен. За боевые отличия в январе 1905 г. произведен в генерал-майоры, в мае того же года награжден Золотым оружием. В Первую мировую войну командовал 1-й бригадой 1-й Терской казачьей дивизии, был тяжело ранен; с 1917 г. в резерве чинов штаба Киевского военного округа. С 23.08.1917 г. — генерал-лейтенант, командующий 2-й Кавказской туземной конной дивизией. Неоднократно награжден, в том числе высшей военной наградой Российской империи — орденом Св. Георгия 4-й ст. (16.06.1917). Умер в собственной усадьбе в с. Ардон в 1935 г. Подробнее о С. Дз. Хоранове см.: [4].

9. М. Домба пишет о С. Дз. Хоранове: «Органы советской власти его не беспокоили. В первые годы было несколько контрольных вызовов в ОГПУ, но никаких репрессий при этом не последовало» [4, 88]. Что представляли собой эти «контрольные вызовы», видно из рассказа М. Туганова.

10. Епископ Владикавказский и Моздокский Макарий (Михаил Михайлович Павлов) (1867 — после 1923), сын священника, выпускник Барнаульского духовного училища, Томской духовной семинарии. В 1894 г. поступил в Казанскую духовную академию, а в 1897 г. был пострижен в монашество. Окончил академию со степенью кандидата богословия. В разные годы был архимандритом Главного Стана Киргизской Миссии, епископом Бийским, епископом Якутским и Вилюйским, управляющим (на правах настоятеля) Свяжского Успенско-Богородицкого монастыря Казанской епархии. 28.01.1917 г. Макарий назначен епископом Владикавказским и Моздокским. В марте 1917 г. владыка Макарий признал Временное правительство. 30.03.1919 г. епископ Макарий приветствовал генерала Деникина в кафедральном соборе г. Владикавказа. С марта 1920 г. активно сотрудничал с новыми властями. 10.10.1920 г. состоялся суд Терского областного ревтрибунала над епископом Макарием, обвиненным в «контрреволюционности» и сокрытии церковных ценностей. Освобожден. В феврале 1921 г. вновь был арестован по обвинению в «контрреволюционной деятельности», в апреле приговорен к 5 годам лагерей, но в конце мая освобожден по состоянию здоровья. В августе 1922 г. он уклонился в обновленческий раскол и переехал в Пятигорск, став Пятигорским викарием и возглавив местное обновленчество. Большая часть духовенства Владикавказской и Моздокской епархии также присоединилась к обновленцам. После 1923 г. судьба Макария неизвестна. Подробнее о Макарии и обновленчестве во Владикавказской епархии см.: [5; 6].

11. Вероятнее всего, имеется в виду Владимир Иванович Антонов (1882-1920 или 1921), казак станицы Ардонской ТКВ, выпускник Воронежского кадетского корпуса и Константиновского артиллерийского училища. Хорунжий (10.08.1902), служил в 1-й Терской казачьей батарее. 5.10.1909 г. произведен в подьесаулы. Участник Первой мировой войны. 15.07.1916 г. произведен в есаулы, 28.10.1916 г. назначен 1-м старшим офицером 3 Терской казачьей батареи. Участник Терского восстания 1918 г. Во время боев во Владикавказе в июле-августе командовал артиллерией. Воевал в

Добровольческой армии и Вооруженных силах юга России. Командир 1-го Терского конно-артиллерийского дивизиона, полковник.

12. В апреле 1918 г. во Владикавказе был сформирован 1-й отдельный Китайский отряд ЧК Терской республики под командованием 30-летнего большевика Пау Ти-Сана (Константин Бао Цисань, «Костя»). Отряд имел в своем составе до 450 бойцов, участвовал в освобождении от белых Грозного, Нальчика и Моздока, в подавлении антисоветского мятежа в Астрахани в марте 1919 г. В мае 1919 г. 1-й отдельный Китайский отряд Терской ЧК переформировали в отдельную Китайскую роту при штабе 33-й дивизии. Летом 1920 г. создан 10-й отдельный Восточный интернациональный батальон Всекавказской армии труда.

Весной 1921 г. отряды Пау Ти-Сана и Ян Чжуня вместе со 150 китайскими рабочими из Тифлиса были сведены в 1-й отдельный Китайский отряд ЧК Горской АССР, ставшей правопреемницей Терской республики. Начальником отряда, пунктом постоянной дислокации которого вновь стал Владикавказ, опять был назначен Пау Ти-Сан. В самом начале 1922 г. отряд был прикомандирован к особому отделу Северо-Кавказского военного округа в Ростове-на-Дону, где успешно занимался борьбой с уголовной преступностью. В марте 1922 г. отряд расформирован.

Пау Ти-Сан арестован в Москве 10.11.1925 г., Коллегией ОГПУ 19.04.1926 г. приговорен к расстрелу по обвинению в контрреволюционной террористической деятельности. 23.04.1926 г. приговор приведен в исполнение. Реабилитирован в 1991 г. Семья: жена Евгения Макаровна Балаева, дочь Элеонора.

13. Речь идет о псковском Старо-Вознесенском женском монастыре, закрытом в феврале 1920 г. Распоряжением ГубЧК 26.06.1920 г. на его территории открыт Псковский концентрационный лагерь принудительных работ на 250 человек. В лагере было оборудовано 45 общих камер (одиночек не было), канцелярия, клуб, библиотека, баня, склады и помещения для надзирателей. Отопление всех помещений было печным, освещение — керосиновым (позднее электрическим), водопроводом были оборудованы лишь баня, прачечная и кухня. Имевшиеся мастерские — швейная, сапожная, столярная и кузнечно-слесарная — не только обслуживали нужды лагеря, но и принимали заказы. Режим дня в лагере был следующим: подъем — в 8 час. утра, «утренний чай» — с 8 до 9 час., обед — с 13 до 14 час., ужин и отбой — в 21 час. Время между завтраком и обедом, обедом и ужином было занято работой. Каждому заключенному ежедневно полагалось: хлеба — 400 г, крупы — 135 г, картофеля — 400 г, корнеплодов — 200 г, а также 135 г мяса или 200 г жира, 1,5 г сахара, 1 г кофе и др. Нормы выдачи хлеба увеличивались занятым тяжелым физическим трудом. С момента организации лагерь рассматривался не только как место заключения, но прежде всего как средство перевоспитания, «перековки» совершивших преступления. В лагере была открыта вечерняя школа, при клубе действовала лагерная художественная самодеятельность, имела библиотека, поступали центральные и местные газеты. При условии примерного поведения заключенных практиковались даже кратковременные отпуска [7].

14. Финский драгунский полк — национальная кавалерийская часть в составе финских войск русской императорской армии, существовавшая в 1889-1901 гг. Сформирован 14.05.1889 г. из уроженцев Финляндии. Расформирован 4.12.1901 г. В тот же день в г. Вильманстранде взамен упраздненного Финского драгунского полка сформирован 55-й драгунский Финляндский полк, с 6.12.1907 г. — 20-й драгунский Финляндский полк. В «Списке полковников по старшинству» на 1 ноября 1907 г. фамилия Рошин не значится.

1. Fifty Amazing Hairbreadth Escapes. London: Odhams Press Ltd, 1936.
2. *Tuganoff M.* Called out to be shot // Fifty Amazing Hairbreadth Escapes. London: Odhams Press Ltd, 1936. P. 378-396
3. *Tuganoff M.* From Tsar to Cheka: The Story of a Circassian under Tsar, Padishah and Cheka [translated from the German, with Caucasian legends and fairy tales on pp. 231-250]. London: Sampson Low, Marsten & Co., 1936.
4. *Домба М.* Генерал-лейтенант Созырыко Хоранов: исторический очерк. Владикавказ, 2002.
5. *И. Андрей (Мороз).* История Владикавказской епархии [электронный ресурс] // История Владикавказской епархии [сайт]. URL: <http://www.ive1875.narod.ru/texts/skriptcand/g7.htm>
6. *Горобец А. А.* История обновленческого раскола среди духовенства Владикавказской и Моздокской епархии [электронный ресурс] // История Владикавказской епархии [сайт]. URL: http://www.ive1875.narod.ru/texts/Gorobets/texts/obnov_vlad.htm
7. *Филимонов А. В.* Псков в 1920-1930 годы [электронный ресурс] // Новости краеведения Пскова [сайт]. URL: <http://druzhkovka-news.ru/pskov-v-1920-1930-gody/20/>